

с. 2.

Критические наброски.

Чайка.

Комедия из 4-х действий Чехова.

Взгляд глубокого уважения к постановке драмы общественно-художественного театра в Москве посланца г. г. Непировичу-Данченко и Станиславскому.

Вместо предисловия.

Крушение «Чайки» на сцене Александровского театра в ее успех в Москве. Правильно ли оно? Объяснение различным направлениям двух театров.

Трудно найти в современной литературе драматическое произведение, которое бы постигла такая странная участь, как «Чайка» Чехова.

Поставленная на сцене Александровского театра «Чайка» потерпела полное фиаско. Друзья и враги самоубийственного таланта Чехова, печать и публика всё сошлись во мнениях: новая комедия была снята с репертуара.

Подобие «Чайки» обошла несколько провинциальных сцен и везде прошла неудачной.

Забвение—чужовище, питающееся печатной бумагой, готово было уже позолотить комедию Чехова, когда художественный театр привнес ее на своих подмостках. «Чайка» возродилась как Феникс из пепла.

Первое же представление вызвало бурный овации по адресу исполнителей, режиссера и автора. Театр был переполнен. Публика долго, истинно выжидала Чехова и успокоилась только, когда убедились, что Чехова из Москвы нет. Ему немедленно была составлена и послана приветственная телеграмма.

Каждое новое представление «Чайки» было новым триумфом для театра и автора.

Видеть разбиралась на расхват. По инициативе публики, князь Урусов составил Чехову адрес, в котором блестяще охарактеризовал выдающийся достоинства нового произведения. Сотни подписей внесли адрес.

В чем дело?

Почему образованный, петербургский театр, при средстве и славе, при пылкой постановке, не дождался того, что сдвигал частный кружок в большинстве лауреатов, иногда прямо именитых артистов.

Почему направляется сам собой и

наставляет многих с скептической улыбкой отнестись к успеху «Чайки».

А. Н. Урусов после второго же представления попытался в «Курьере» дать ответ на этот вопрос.

Его ответ на столько характерен, что мы его приведем почти целиком.

Весьма известно, пишет г. Урусов, что «Чайка», разделив судьбу многих шедевров драматической литературы, на первом представлении в Петербурге провалилась. Пьеса сложная и причины неудача были тоже сложны.

1) Пьеса раздражала старых литературных своих помещиков. Оригинально обдуманные окончания актов, поэтический, но безнадзорный пессимизм автора, некоторые персонажи, напр. Мама Шамраева, подозревали, что автор сочувствует «декаденту» Треневу и его символической пьесе все это вызвало ужасный гнев «наших маститых бездотристов». Один «маститый» в своем реферате о «Чайке» просто рыдал и метал в когда его спросили: да вы видели пьесу на сцене? ответить с недоновашем: не видел и смотреть не хочу; и со слезою по рукам. Вообще старинные десятилетия усмотрели в пьесе «Чехова» дерзость некомпетент: он осмелился быть самим собой на освященных традициях подмостках! Къ тому же по припадку сказать, русская сцена за последние годы так крутила пьесы и провалили немалые пьесы, что и успехи новинки как то не удивляли. Напугавшись разрозненных цитат и судьи, утратив обоняние и перестали различать запахи.

2) Пьеса раздражала молодых писателей. Какой это символизм, говорили одни из них. Чехов не знает символизма! Позвольте возражать друге—Чехов написал Треневу незнакомую пьесу «Чех» и на Тренева незнакомое произведение. Чехов знает писать живых людей, а не воплощение идей, или наприлюдно. Но молодые писатели пожимали плечами. Однако один из крупнейших поэтов 80-х годов отличавшийся при том философским складом ума, после 3-го акта восторженно воскликнул: это гениально. И совершенно сочувственно встряхнул такой отзыв: когда в поэтическом произведении мыслами чувствуется глубина, недостающая для анализа—это гениально, не смотря на недостатки.

3) Некоторые журналисты почему то отождествляли Чехова с Новым Временем и не прочь были провалить пьесу из того лагеря, хотя, кажется не трудно было убедиться из произведений Чехова, что он не принадлежит ни к какому лагерю.

4) Къ главным причинам неудачи присоединились другие—частно внутренняя сложная психология действующих лиц, символизм, съ которой автор раскрыл постыдными тайны жизни, частью иными ласковыми причинами.

Так думает А. Н. Урусов.

При всем нашем уважении къ почтенному общественному деятелю, мы не можем разделить его объяснения.

Русскую публику, воспитанную на Гоголь, Толстой и Островский, снисходительно реализма не запугаешь. И не такие виды выдвигали. Мы привыкли смотреть на глаза правды, хотя бы она раскрывала перед нами весь гной цивилизации. Если бы не было истреблено при меньшей принципиальной ослепленности у нас.

Объяснить даже партийностью крушение драматического произведения—значить смотреть на громадный Божий мир через крохотное окошечко литературной кружковщины.

Есть нечто возмущающееся над литературными партиями и кружками. Есть священный судья литературного произведения—это читатель, зритель, толпа.

Въ кружковой жизни тонуть и исчезают в безбрежных ее водах.

При том крушение «Чайки» не было шумным, боевым крушением, которое часто наше самой победы. Так напр. въ бое погибли «Отцы и Дети» Тургенев, чтобы затем далеко пережить своих критиков и восторженствовать на их костях.

Фиаско «Чайки»—было самым убогим, стесненным провалом: провалом скуки. Вот почему и после ответа А. Н. Урусова мы считаем вопрос открытым.

На наш взгляд фиаско «Чайки» на Петербург было названо диссонансом между типом произведения и типом театра. Новая опера шла под старую оркестровку.

А новое вино нельзя вливать въ старые мехи.

Художественный театр так же новый по своей идее, как нова «Чайка» по своей манере.

Театр понял своего автора. Станиславский со сцены и Чехов из за письменного стола протянули друг другу руки.

И так первый вопрос: из чего заключаются оригинальные особенности «Чайки», как Чехов написал «Чайку»?

Второй вопрос: что Чехов написал въ «Чайке»?

Один касается—форма, другой—сущность.

Но так как еще знаменитый, философский спор номиналистов и реалистов доказал, что существо неопределимо отъ форма, то волей неволей нам придется дѣлать скачки из одной области въ другую.

(Продолжение следует).

М. М.